

Обиженный край.

(СЪ КАРТОЙ).

риста лѣтъ, мать русскихъ городовъ, Кіевъ, управлялъ Россією, которая въ то отдаленное время, тянулась съ сѣвера на югъ, ограничиваясь теченіями верхней Волги, Ладожскаго бассейна, З. Двиною, Днѣпромъ, южнымъ и западнымъ Бугами. Главныя силы этого русскаго достоянія находились въ населеніи теперешнихъ 8 Западно-Русскихъ губерній, включая въ это число Виленскую губернію. На востокѣ дальше Ростова, Суздаля, Смоленска, до восточныхъ границъ Сѣверскаго Княжества, не шли, сухопутно, русскіе люди; за этими границами было глухо и еще очень темно.

На западѣ были русскіе удѣлы во владѣніи потомства Владиміра Св., въ Червонной Руси, Галичѣ, въ Карпатахъ и Уграхъ, вплоть до р. Тиссы, теперешній венгерскій Комитатъ Мармарошъ. Изъ Кіева, съ береговъ Днѣпра, Русь возсіяла христіанствомъ-православіемъ; здѣсь было начало русскимъ законамъ: Русской Правдѣ; тутъ возникло просвѣщеніе со школою въ монастыряхъ и та государственность съ собираніемъ Русскихъ земель до Тмутаракани и Итиля, которая скоро родила богатѣйшій языкъ въ Словѣ о полку Игоревѣ и дало намъ свою собственную Русскую культуру, съ необъятными теперь границами отъ Балтики до Тихаго океана и отъ Студенаго моря до Чернаго и далѣе на востокъ до Гималайскаго хребта... Вотъ эта основа теперешняго Русскаго государства, со смертію Владиміра Мономаха въ 1125 г., уже и раньше, обуреваемая войнами съ сосѣдами и борьбою за наслѣдство, сдѣлалась съ XII столѣтія театромъ большихъ потрясеній. Въ этихъ раздорахъ за

великокняжескій престолъ между Юріемъ Владиміровичемъ (долгая рука) и Изяславомъ Мстиславовичемъ принималъ живое участіе сынъ Юрія, Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, храбрый воинъ, полководецъ, въ родѣ Святослава, не разъ водившій на штурмъ свою рать. Три раза онъ изгонялъ изъ Кіева, Изяслава, но Юрій, его отецъ, считаясь Великимъ Княземъ, не имѣлъ силы, по своей бездарности, утвердиться окончательно. Андрей не разъ уговаривалъ отца бросить Кіевъ и уйти въ свои Ростово-Суздальскія земли, но упрямство Юрія брало верхъ, и междоусобія продолжались. Наконецъ Андрею Юрьевичу вся эта вражда, за первенство, больно надоѣла, да и Кіева не любилъ изъ-за этого же, и онъ удалился въ свою вотчину въ 1155 г. въ Ростово-Суздальскую землю, гдѣ долго жилъ, строилъ церкви, былъ уважаемъ народомъ за строгость, справедливость и добродѣтель, и какъ воинъ, хорошо обеспеченный матеріально, и какъ богатый князь. За это время, въ 1147 году, Юрій Долгорукій, его отецъ, основалъ Москву, будущую замѣстительницу Кіева. Въ 1157 году Юрій II скончался и снова начались соисканія и вражда за великокняжескій престолъ. Между тѣмъ Андрей, имѣвшій много сторонниковъ, какъ одинъ изъ старшихъ князей и очень сильный по своимъ владѣніямъ въ Ростово-Суздальскомъ княжествѣ, какъ человекъ властный и самолюбивый, не позволявшій наступать себѣ на ногу, началъ распоряжаться въ Кіевѣ, Новгородѣ и повсюду на Руси, какъ самодержецъ, раздавая удѣлы, выгоняя князей. Если его не слушались, то онъ прямо объявлялъ, что идетъ на нихъ войною. Такъ случилось съ Кіевомъ и Новгородомъ въ 1169 г.; собравъ громадное войско, онъ двинулся съ 11 князьями-союзниками на Кіевъ, и послѣ трехдневнаго боя, Кіевъ былъ взятъ на щитъ и отданъ на разграбленіе; не пощадили даже Печерскаго монастыря, и Андрей окончательно сдѣлался великимъ княземъ всея Руси. Это - то первое самодержавіе, этотъ разгромъ до основанія Кіева, это необыкновенное возвышеніе великокняжескаго престола во Владимірѣ, вообще на востокъ Руси, со всѣми, потомъ продолжавшимися, раздорами въ нисходящемъ поколѣніи Владиміра Мономаха, были причиною паденія связи первородной Россіи, Западнаго края, со всѣмъ организмомъ Русскаго государства, расколовшагося какъ бы на двѣ половины: на западную съ ея многочисленными удѣльными князьями и на восточную, юную еще, новую Россію, съ ея великими князьями. Хотя Кіевъ потомъ и оправился, снова отстроился, но тогда же, въ скорости, появились новые враги. Со смертью Андрея въ 1174 г. угры, половцы и въ особенности литва, начали напирать, со всѣхъ сторонъ, среди продолжавшейся вражды между

удѣльными князьями западной Россіи. Выдающихся князей и людей не было видно, край будто замерь, омертвѣль и не замѣтилъ, какъ съ юга, въ 1224 г. подошелъ, съ Кавказа, новый, грозный врагъ, монголы, которые въ скорости разлились во всей Россіи, обративъ ее почти что въ мертвое тѣло, вплоть до 1481 г.; почти что 250 лѣтъ, можно сказать, она лежала, изнемогая отъ всѣхъ ужасовъ безпримѣрнаго нашествія. И въ этомъ нашествіи, Кіевъ снова, въ 1240 году, пострадалъ до основанія, до полного разрушенія. Татары не пощадили даже княжескихъ усыпальницъ!

Преданіе, можетъ быть ложно, передаетъ, будто папа съ его католичествомъ, не будучи въ состояніи подчинить себѣ востокъ— православіе, успѣлъ во время крестовыхъ походовъ направить своихъ патеровъ въ Китай и Монголію и убѣдить ихъ предводителя Чингисъ-хана идти на Россію и сломить ее до основанія. Матеріально, Россія была подавлена надолго, но нравственно, духовно, она продолжала жить, волокла свою исторію, хотя съ большимъ принижениемъ.

Еще до прихода татаръ, изъ-за брачныхъ узъ русскихъ князей съ половцами, уграми, мазовшанами и литовцами, не мало пограничныхъ удѣловъ отошло къ владѣніямъ князей этихъ народовъ. Вся Угорщина, Закарпатская Русь, отошла отъ внуковъ Мономаха, обратившись въ достояніе венгровъ, и кой-какъ еще удержалось Галичское княжество при князьяхъ Данилѣ и Романѣ, но и оно, съ прекращениемъ династіи, было захвачено польскимъ королемъ Казиміромъ въ 1340 г. Онъ учредилъ Львовское католическое епископство и этимъ положилъ начало католичества въ Галичскомъ княжествѣ. Литва, совсѣмъ не пострадавшая отъ татаръ и уже окрѣпшая, при Кіевскихъ великихъ князьяхъ, воспользовалась погромомъ Россіи и начала исподволь присваивать себѣ земли, по сосѣдству, подчинять себѣ удѣльныхъ князей, кой-какъ еще выживавшихъ по З. Двинѣ, Нѣману, Припяти, въ теперешнихъ Виленской, Гродненской, Минской и Волынской губерніяхъ. Такъ, будто незамѣтно сформировалось къ XIV ст. новое Литовско-русское государство, въ которомъ преобладающее русское населеніе, хотя и играло главную роль, связанное православіемъ съ Кіевомъ, гдѣ продолжаетъ жить православный русскій митрополтъ, но русскій голосъ Западной Руси былъ все-таки второстепеннымъ; онъ уже болѣе не приказывалъ, а только слушался, что прикажутъ изъ Литвы!

Послѣ Куликовской битвы въ 1380 г. Литовско-русское государство могло спокойно развиваться за спиною Московской Руси, въ чемъ преуспѣвало, нападая даже на сосѣднюю Псковскую землю и

оспаривая право первенства въ крупномъ владѣніи древняго достоянія русскаго народа въ Западномъ краѣ, старшемъ, сравнительно съ новою Московскою державою. Тутъ началось политическое соревнованіе князей Литвы съ такими же Москвы. Опаснѣйшимъ врагомъ послѣдней былъ Литовско-русскій великій князь Витовтъ, тесть Василя Дмитриевича Московскаго. Три раза сходились рати и отступали, заключивъ миръ въ 1408 г., при чемъ рѣка Угра, на востокъ Литвы, была предѣломъ ея восточныхъ владѣній.

Чтобы рассказъ нашъ былъ яснѣе, мы должны вернуться нѣсколько вспять и упомянуть о литовскомъ князѣ Гедеминѣ, язычникѣ, женатомъ два раза на христіанкахъ: Ольгѣ и Евѣ, обѣ православныя. Этотъ князь, владѣвшій Литвою по 1341 г., именовалъ себя великимъ княземъ литовскимъ и русскимъ и на послѣднее имѣлъ всѣ права. Онъ упорно воевалъ съ нѣмцами и погибъ при осадѣ одной изъ нѣмецкихъ крѣпостей. Короткое раздробленіе Литвы на удѣлы, закончилось въ 1345 г., когда на престолъ вступилъ его сынъ Ольгердъ. Онъ велъ ожесточенную войну съ орденами Тевтонскимъ и Ливонскимъ, которыхъ земли опустошилъ въ конецъ. Какъ при немъ, такъ и при его отцѣ, русскіе люди, бояре, играли не маловажную роль, побѣждая татаръ и освобождая Западную Русь отъ набѣговъ и произвола. Также при немъ уже земли Кіевская, Черниговская, Сѣверская, Подолія и весь востокъ до истоковъ Оки и Угры, Сейма и по З. Бугъ, вошли въ предѣлы Ольгердовыхъ владѣній; ему уже принадлежаловсе пространство отъ Балтійскаго до Чернаго моря. Онъ былъ два раза женатъ на русскихъ княжнахъ и второй разъ на Іуліаніи, дочери тверскаго князя Александра Михайловича; но самъ онъ оставался язычникомъ и тѣло его было сожжено, по языческому обычаю въ 1377 г.

Престолъ достался въ этомъ году Ягайлѣ, Якову, рожденному отъ Іуліаніи и воспитанному въ правилахъ греческаго православія. Другіе сыновья получили во владѣніе различные удѣлы. Этотъ Ягайло, какъ натура довольно низкая, но властолюбивая и честолюбивая, очень скоро вступилъ въ распрю со своими братьями, которыхъ счастливо изгналъ изъ удѣловъ; но онъ встрѣтилъ сопротивленіе въ племянникѣ Витовтѣ. Этотъ не церемонился въ средствахъ и уступилъ ордену всѣ завоеванныя и присвоенныя себѣ земли въ Литвѣ и Жмуди, признавъ себя его вассаломъ, принялъ католичество и обосновался накрѣпко и совокупно съ орденомъ, въ Ковно. Ягайло испугался такого хода, примирился съ Витовтомъ, отдалъ ему его удѣлъ въ Жмуди, за что Витовтъ порвалъ союзъ съ орденомъ, выгналъ его изъ Ковны и сѣлъ себѣ въ своемъ удѣлѣ, почти независимымъ княземъ. Однако орденъ не желалъ такъ легко

утратить только что потерянное. Съ другой стороны Ягайло и Витовтъ, помирившись, не могли спокойно смотрѣть на рыцарей, вторгавшихся въ Жмудь и производившихъ тамъ опустошенія. Эти обстоятельства привели постепенно дѣло до столкновенія въ 1410 г. подъ Грюнвальдомъ, этотъ первый рѣшительный бой между сосѣдями, нѣмцами, и славянами съ литовцами. Нѣмцы были сокрушены навсегда; Жмудь отнята безвозвратно, но затѣмъ самое выигранное сраженіе не было использовано въ преслѣдованіи противника, и рыцари, хотя обезсиленные, продолжали жить, положивъ въ послѣдствіи начало той Пруссіи, которая, разрослась при помощи Россіи въ объединенную Германію. И это на самой границѣ нашего Западно-Русскаго края! Честь Грюнвальдской побѣды приписывается всецѣло Смоленскимъ полкамъ, которые очутились въ рядахъ войскъ Витовта. Онъ въ 1395 г. обманомъ захватилъ Смоленскъ, актъ, который вплоть до XVII столѣтія былъ причиною жестокихъ побою между Польшею и Москвою. Точно захватъ Смоленской земли былъ нуженъ только для того, чтобы выиграть сраженіе подъ Грюнвальдомъ.

Обращаясь затѣмъ къ личности Ягайло, необходимо разъяснить, въ чемъ же именно состояла сила этого слабого и безвольнаго правителя? На него, со вступленія на Литовскій престолъ въ 1370 г., имѣла не малое вліяніе Римская Курія и съ нею—богатые польскіе магнаты. Они, желая избавиться съ одной стороны отъ всякаго вліянія нѣмцевъ на польскія дѣла, съ другой, добиваясь усиленія своего политико-стратегическаго положенія, повели свои дѣла для этого такъ, чтобы слить Польшу съ Литвою, выдавъ замужъ свою польскую королеву Ядвигу за Ягайло. Это имъ удалось, при чемъ послѣдній, польщенный такимъ брачнымъ союзомъ, обязался принять со всеѣмъ литовскимъ народомъ католицизмъ и соединить на вѣчныя времена все свои владѣнія съ Польскою короною, проживая однако жъ въ Краковѣ, гдѣ и совершился бракъ въ 1386 г. Эта династическая унія имѣла громадное значеніе на весь Западно-Русскій край, который какъ бы вошелъ въ составъ Польши, хотя въ дѣйствительности управлялся своими удѣльными князьями. Это была двойственность: съ простодушіемъ съ одной стороны и хитростью, съ подвохами, съ другой.

Приѣхавъ въ Вильно, король и королева начали уничтожать язычество и крестить народъ по полкамъ, окропляя ихъ поголовно святою водою, давая каждому какое-либо имя и одѣвая каждого бѣлымъ кафтаномъ, свиткою. Это было начало обращенія Литвы въ Польшу. Права некатоликовъ подвергались ограниченію, и религіозная свобода была нарушена, что породило очень скоро разнь въ

народъ. Поляки начали вмѣшиваться въ частныя дѣла и въ жизнь, тогда какъ король все жилъ въ Краковѣ. Совокупность этихъ обстоятельствъ объяснять лучше всего, почему Витовтъ дѣйствовалъ противъ короля и Польши. Тѣмъ не менѣе, въ 1413 г. сеймъ въ Городнѣ, торжественнымъ актомъ, скрѣпилъ соединеніе Польши и Литвы въ одно государство и уравнилъ права литовцевъ-католиковъ съ правами польской шляхты. Вотъ это-то уравниеніе правъ послужило потомъ большою приманкою для русскихъ князей и бояръ и, какъ увидимъ, отдѣлило ихъ окончательно отъ народа, оставшагося только при своемъ духовенствѣ.

Витовтъ, оставаясь удѣльнымъ княземъ Литовскимъ, заботился не мало объ огражденіи собственно Западно-Русскаго края, какъ отъ Польши, такъ и отъ Москвы и выдѣлилъ въ 1415 году этотъ край, въ церковномъ отношеніи, отъ Москвы. Для этого онъ собралъ западно-русскихъ епископовъ и настоялъ, чтобы соборомъ они избрали себѣ особаго митрополита въ лицѣ Цимблака. Такимъ образомъ православіе расколосось на западное и восточное. За тѣмъ вплоть до начала XVI ст. шли постоянныя подступы со стороны поляковъ противъ Литвы, при стремленіи овладѣть Подоліею. Но это не удалось. Тѣмъ не менѣе, литовскіе великіе князья мало-помалу теряли свою власть на столько, на сколько она увеличивалась у польскихъ королей и когда великій князь литовскій Александръ въ 1501 году сдѣлался по избранію польскимъ королемъ, то уже всѣ дѣла по Польшѣ и Литовско-Русскому краю рѣшались исключительно польскимъ королемъ и разумѣется въ пользу Польши и католицизма. Потомъ съ помощью іезуитовъ, призванныхъ въ Литву и учредившихъ инквизицію, католицизмъ почувствовалъ себя дома и скоро обратился въ воинствующій, съ наступленіемъ противъ Россіи.

Династическое объединеніе Литвы съ Польшею отразилось на русской гражданственности Западно-Русскаго края и на управленіи; города получили Магдебургское право, а евреи право жительства въ этихъ городахъ. Обращеніе русскихъ церквей въ католическія было нерѣдко; такъ Ягайло, передавая въ 1412 г. перемышльскому католическому епископу церковь Іоанна Крестителя въ Перемышлѣ, разорилъ могилы русскихъ князей, выбросивъ ихъ кости изъ храма.

Польша и ея короли, увѣренныя, что они въ русскихъ областяхъ ничего не смогутъ сдѣлать, несмотря на династическую унію, пока они не сломятъ вѣры русскаго народа съ его священствомъ, пока этотъ народъ будетъ стоять особнякомъ отъ католической Польши и Литвы, рѣшили объединить, соединить католичество съ православіемъ и такимъ образомъ объединить съ Польшею не только

собственно Литву, но и всѣхъ русскихъ, бывшихъ княжествъ и областей. Этотъ вопросъ одинаково и давно занималъ папу, все католическое духовенство и всѣхъ поляковъ. Наконецъ онъ разрѣшился въ Люблинѣ въ 1569 г. на общемъ съѣздѣ польскихъ и литовскихъ представителей. Новое государство было основано подъ именемъ Рѣчи-Посполитой—республика, на равныхъ правахъ, съ общимъ генеральнымъ сеймомъ въ Варшавѣ и общимъ сенатомъ. Остальные порядки остались при прежнемъ положеніи. Литва сохранила свой статутъ, сводъ мѣстныхъ законовъ, писанный по-русски, имѣла свое войско, печать, особыхъ правительственныхъ лицъ, но все это все-таки находилось въ волѣ и рукѣ польскаго короля и поляковъ, распорядителей новыхъ порядковъ Рѣчи - Посполитой. Этимъ актомъ, во всякомъ случаѣ, русскія княжества и земли были прикрѣплены чрезъ Литву къ Польшѣ и какъ слабыя части, потерявшія своихъ князей, они сопротивляться не могли; духовенство съ народомъ русскимъ стояло, будто въ сторонѣ, среди враговъ: по своему разуму, вѣрѣ и понятіямъ и со своими обычаями. По акту Люблинской уніи Волынь, Кіевщина, Брацлавское воеводство, Подляхія вошли въ составъ земель польскаго государства и его порядковъ. Православіе пока—еще только терпѣлось, но не признавалось и презиралось. Гоненія уже начались, и унія съ униатствомъ начала дѣйствовать и проявлять себя, гдѣ только не встрѣчала прямого отпора.

Почти одновременно съ совершившеюся Люблинскою уніею, въ Литвѣ и Западно-Русскомъ краѣ отчасти, среди боярства, начало распространяться довольно быстро ученіе реформатовъ. Для противодѣйствія этому новому ученію, были призваны къ содѣйствію іезуиты, которые въ 1569 г. повели свое дѣло весьма успѣшно, не жалѣя себя. Въ Вильнѣ они учредили сначала свою школу, которую потомъ обратили въ академію, и одновременно устраивали свои школы и коллегіи въ другихъ городахъ всей Западной Руси. Одновременно они задумали обратить всю Россію въ католичество, и для этого старались всѣми силами и хитростями окатоличить сначала Западно-Русскій край, какъ форпостъ, на который напустились всѣми силами. Избраніе православнаго епископа мірянами было замѣнено патронатомъ, съ раздачею духовныхъ должностей и земель, по усмотрѣнію короны. Русское боярство, уже довольно насмотрѣвшееся на католическія привилегіи, потянулось къ этимъ патронатамъ и землямъ и невозбранно переходило въ католичество, пользуясь мірскими правами и угнетая народъ и съ нимъ его православіе, въ угоду своего чрева и перенятой у Польши непомерной роскоши. Католичество такимъ образомъ одолѣло не только рефор-

мацію, но истинно-русских бояръ и помѣщиковъ, вообще высшій русскій классъ края. Тѣмъ не менѣе борьба продолжалась, и однимъ изъ поборниковъ православія, княземъ Константиномъ Острожскимъ, сдѣлано было не мало въ пользу русскаго народа. Онъ, какъ русскій (малорусскій) магнатъ, кievскій воевода, родился въ 1526 г. и, получивъ соотвѣтственно времени образованіе, по своему положенію и богатству, могъ многое сдѣлать для своего народа и его вѣры. Богатство его состояло изъ 300 городовъ и нѣсколькихъ тысячъ сель, съ громадными земельными владѣніями. Онъ въ Островѣ учредилъ православное училище; потомъ двѣ типографіи, напечаталъ библію и покровительствовалъ всякому русско-православному просвѣщенію. Онъ же принималъ участіе въ Брестскомъ соборѣ, 1596 г., какъ защитникъ русскаго народа. Этотъ соборъ былъ созванъ по поводу манифеста короля Сигизмунда III, въ которомъ коротко и просто заявлялось о соединеніи церквей, подъ своею королевскою отвѣтственностью. Короля поддерживали католическіе и униатскіе епископы, но православные, составивъ свой соборъ, объявили всѣхъ униатскихъ владыкъ лишенными сана, на томъ основаніи, что рѣшеніе о воссоединеніи церквей не зависитъ отъ воли короля и нѣсколькихъ епископовъ, но отъ вселенскаго собора. Такимъ образомъ Брестскій соборъ 1596 г. закончился довольно печально и началась кровавая рознь между Западно-Русскою православною церковью и униатско-католическою, кончившаяся паденіемъ Польши въ XVIII ст.

Но возвращаясь къ князю Константину Острожскому, этому покровителю православія и русскаго просвѣщенія, отмѣтимъ, что его борьба съ католицизмомъ и за цѣлость и сохраненіе правъ литовско-русскаго народа, привела его къ дружбѣ съ княземъ Курбскимъ, къ участію въ войнѣ съ Іоанномъ Грознымъ, къ его плѣненію, житію въ Россіи, и когда, наконецъ, онъ вернулся, то католичество съ іезуитами до того овладѣли на Руси всѣмъ западнымъ русскимъ боярствомъ, что даже его два старшихъ сына приняи католицизмъ, третій былъ отравленъ слугою. Самъ онъ скончался въ 1608 году 82 лѣтъ, въ полномъ разочарованіи.

Послѣ такихъ потерь, какъ все русское боярство, защитниками православія осталось духовенство и осиротѣлый народъ. Между прихожанами этого народа былъ обычай праздновать церковный праздникъ братскимъ пиромъ, въ складчину. Участники назывались братчиками, составляя братство, братчину. Города Западно-Русскаго края, имѣя и пользуясь Магдебургскимъ правомъ со своимъ бургомистромъ и съ разными вольностями, не зависѣвшими отъ мѣстныхъ старостъ и судей, образовывали свои цехи по ремесламъ и одновременно охраняли свою вѣру, братствомъ и его обыденнымъ

правомъ по своимъ церквямъ: устраивали школы и богадѣльни, погребали умершихъ, занимались благотворительностью и имѣли для всѣхъ этихъ дѣлъ свой братскій домъ, гдѣ и собирались. До XVI ст. ихъ уставы оставались безъ измѣненій. Въ концѣ этого столѣтія Львовское братство подало примѣръ преобразованія, изъявъ пиры и цехи и замѣнивъ ихъ учрежденіемъ Всесословнымъ. Обязанности остались тѣ же, но было прибавлено, что всѣ братства могутъ составить одинъ союзъ. Этотъ уставъ былъ утвержденъ Вселенскимъ патріархомъ Іоакимомъ, который Львовскому братству подчинилъ всѣ остальные братства, съ правомъ отлученія, не исключая даже епископовъ. Для послѣднихъ это былъ ударъ, въ особенности для тѣхъ изъ нихъ, которые носили титулъ патроновъ, князей-епископовъ, которые не могли выносить вмѣшательства мірянъ въ церковныя дѣла, и вотъ началась борьба, которая кончилась, какъ уже было указано выше, воссоединеніемъ церквей манифестомъ Сигизмунда въ 1596 году и признаніемъ папы главою всѣхъ церквей.

Тутъ болѣе всего воспротивились такому дѣлу князь Константинъ Острожскій и виленское бѣлое духовенство открыто заявило, что весь народъ русскій униатскихъ епископовъ признавать не будетъ, а останется при своихъ православныхъ епископахъ. Раздраженіе русскихъ усиливалось и на сеймѣ въ Варшавѣ; волинскій депутатъ Лаврентій Древинскій обратился къ королю, высказавъ ему: „уже въ большихъ городахъ церкви запечатаны, имѣнія церковныя расхищены, въ монастыряхъ нѣтъ монаховъ—тамъ скотъ запираютъ; дѣти безъ крещенія умираютъ; тѣла умершихъ безъ церковнаго обряда изъ городовъ, какъ падалъ вывозятъ... народъ умираетъ безъ исповѣди, безъ приобщенія... мертвое тѣло погребать, къ больному съ тайнами Христовыми открыто идти нельзя. Монаховъ православныхъ ловятъ на вольной дорогѣ, бьютъ и въ тюрьмы сажаютъ. Въ чины гражданскіе людей достойныхъ и ученыхъ не производятъ, потому только, что не униаты“. Преслѣдованіе продолжалось и закончилось тѣмъ, что народъ, выведенный изъ терпѣнія, убилъ Полоцкаго епископа Іосафата Кунцевича, а трупъ его бросилъ въ Западную Двину, но католики прославили его святымъ.

Такъ какъ польскіе заправила дѣйствовали не только по своему произволу и всякому беззаконію, но и не мало писали и проповѣдывали на своемъ и русскомъ языкахъ, то въ разрѣзъ съ такимъ же направленіемъ началъ дѣйствовать, необыкновенно способный и умный іерархъ Кіевскій, знаменитый Петръ Могила. Онъ нашель необходимымъ выбивать съ позиціи католиковъ тѣмъ же іезуитскимъ оружіемъ, печатью и вообще употребленіемъ одинаковыхъ съ ка-

толиками приемовъ. Въ Кіевѣ была устроена братствомъ Богоявленская школа, которая благодаря Петру Могилѣ процвѣтала. Могила отпиривлялъ кромѣ того молодыхъ людей, на свой счетъ, во Львовѣ, Римѣ и въ другіе города въ академіи и готовилъ ихъ на всѣ посты противодѣйствія іезуитамъ. Кіевская академія, которою очень занимался Петръ Могила, готовила учениковъ къ проповѣди и къ диспутамъ, и ея ученики были лучшими духовными писателями второй половины XVI в. и до конца XVII в.

Петръ Могила происходилъ изъ богатаго рода молдавскихъ господарей, которымъ въ 1612 г. пришлось бѣжать въ Польшу, гдѣ у нихъ были знатные родственники. Въ Львовскомъ братскомъ училищѣ П. Могила получилъ основательное образованіе въ строго православномъ духѣ и тутъ же изучилъ іезуитовъ и унию, къ которымъ относился враждебно; впоследствии онъ воспользовался ихъ приемами для противодѣйствія католикамъ. Закончивъ свое образованіе, онъ много путешествовалъ и слушалъ лекціи въ разныхъ университетахъ, владѣлъ древними языками въ совершенствѣ. Въ 1627 году онъ былъ избранъ Кіево-Печерскимъ архимандритомъ и тогда выступилъ открыто противъ враговъ православія. Въ 1631 г. онъ устроилъ для этого особое училище для преподаванія свободныхъ наукъ на греческомъ, славянскомъ и латинскомъ языкахъ. Въ 1632 г., онъ, какъ представитель Кіевлянъ въ Варшавѣ, при избраніи въ короли Владислава, выхлопоталъ равноправіе православнымъ, наравнѣ съ униатами. Тогда же его избрали митрополитомъ Кіева, что состоялось во Львовѣ въ 1633 г. Возвратившись въ Кіевъ, онъ приступилъ къ утвержденію православія отстройкою и устройствомъ православныхъ церквей и отобраніемъ униатскихъ, въ томъ числѣ Софійскаго собора. Также онъ же открылъ и очистилъ отъ развалинъ Десятинную церковь.

Особое вниманіе Петръ Могила обращалъ на вполне устроенную имъ для академіи школу Могилянскую, изъ которой потомъ выходило не мало православныхъ поборниковъ и вѣры русскаго народа. Онъ скончался въ 1647 г., оставивъ по себѣ, какъ поборникъ православія, лучшія воспоминанія въ народѣ и исторіи.

Съ постепеннымъ присвоеніемъ Польшею русскихъ земель и введеніемъ въ нихъ польскаго законодательства, со всякими привилегіями для католиковъ, признающихъ только польское право распоряжаться и владѣть землею, все русское погибло изъ столѣтія въ столѣтіе, и уже обѣднѣвшія княжескія семьи, бояредворянскіе роды, члены княжеской дружины, успѣли войти въ составъ шляхты. Всѣ крестьяне къ концу XVI вѣка уже находились въ положеніи рабовъ и хлоповъ, зависѣли всецѣло отъ воли своего

пана и ополяченіе русскаго шляхетства пошло впередъ быстрыми шагами. Некаатоликамъ не предоставлялось никакихъ коронныхъ должностей. Для этого пошли въ дѣло такія мѣры, какъ лишеніе чести и покровительства законовъ, а съ другой стороны награды въ разныхъ видахъ, до владѣнія доходными имѣніями и покорнымъ хлопомъ. Ко второй половинѣ XVII вѣка, русская шляхта забыла свой языкъ и вѣру. Эта причина оттолкнула отъ нихъ народъ, а одновременно разразилось среди пановъ что-то въ родѣ болѣзни, небывалая дотолѣ роскошь. Сеймы, т. е. польскіе сѣзды, на которыхъ рѣшались всякія государственныя дѣла, и гдѣ каждый себя воображалъ королемъ, имѣлъ право, своимъ несогласіемъ срывать сеймы, были настоящими праздниками-маскарадами, гдѣ каждый хотѣлъ перещеголять другого. За одно столѣтіе съ 1545—1646 г., было такимъ образомъ сорвано 8 сеймовъ однимъ несогласнымъ голосомъ. На сеймъ пріѣзжали въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, туркомъ, венгерцемъ, итальянцемъ, шотландцемъ, русскимъ бояриномъ, казакомъ, индѣйцемъ и все это, со свитою, также разряженною, вѣзжало верхомъ въ Варшаву, среди многочисленной публики, рукоплескавшей выдающимся всадникамъ съ ихъ свитою. Убранство однихъ коней, ихъ сбруя, сѣдловка, съ драгоценными камнями, стоило цѣлое староство—волость. Нужно же было взять откуда-нибудь деньги, за такую роскошь и она набиралась отъ крестьянъ: 5 дней работы на пана и 2 на себя; за улей, вола, помолъ, они также платили отдѣльно. Но и этого было мало и окатоличенная русская шляхта равно, какъ пришлые поляки, нашли справедливымъ войти въ тѣсныя сношенія съ евреями и армянами, которымъ сдавали православныя церкви въ аренду. И началъ этотъ беззащитный народъ платить за входъ въ свою церковь при крещеніи, за вѣнецъ, погребеніе, за исповѣдь и за всякое богослуженіе, своего рода церковную пошлину. Церкви сдавались паномъ въ аренду еврею, который за это уплачивалъ пану дорого, но за тѣмъ былъ какъ бы собственникомъ церкви. И полуголодный безъ того народъ терялъ такимъ образомъ послѣднее, свою душу, вѣру, обращаясь дѣйствительно въ скотъ, было, и онъ ненавидѣлъ своихъ пановъ, чувствовалъ глубоко это иноземное порабощеніе и началъ толпами уходить, бѣжать въ привольныя южныя и западныя степи, гдѣ въ то время хозяевами были Запорожцы и малороссійскіе казаки. Эти казаки, возникая на востокѣ Польши, какъ бы для охраны ея земель отъ турокъ и Крымскаго хана, при Сигизмундѣ I въ 1516 г. получали свои привилегіи на вольное владѣніе землями. Сигизмундъ II поставилъ ихъ подъ началомъ гетмана, а Стефанъ Баторій далъ имъ оконча-

тельное устройство, раздѣливъ ихъ на полки, которые сами избирали себѣ гетмана, утверждаемаго королемъ, и ввелъ еще другіе, нужные для управленія, порядки. Гетманъ производилъ въ чины, имѣлъ власть суда и расправы и пользовался знаками гетманскаго достоинства: имѣлъ знамя, бунчукъ, булаву, печать съ особымъ гербомъ. Эти казаки, комплектуясь изъ года въ годъ недовольными изъ народа, жили въ губерніяхъ Кіевской, Подольской, Волынской, Полтавской и еще восточнѣе, въ Свободской Украинѣ, въ нынѣшней Харьковской и Черниговской губерніяхъ. Они жили въ городахъ и на своихъ земляхъ имѣли свои сотни, но главное ихъ управленіе находилось на островѣ Хортицѣ, на Днѣпрѣ и было основано княземъ Дмитріемъ Вишневецкимъ. Этотъ центръ, крѣпость на водѣ, назвалась Запорожскою сѣчью. Казаки впоследствии были частенько причиною ссоры съ Турціею за самовольные и дерзкіе набѣги на турецкія земли. Польша усмотрѣла въ этомъ большую для себя опасность и потому, еще при концѣ жизни Стефана Баторія, весь составъ казаковъ былъ ограниченъ до 6 тысячъ человекъ, а всѣ остальные были причислены къ сословію посполитовъ, крестьянъ. Это очень имъ не понравилось, въ особенности бывшимъ хлопамъ, и начались кровавыя возстанія въ концѣ XVI и въ первой половинѣ XVII вѣковъ. Это возстаніе слилось, совпало съ гоненіемъ за православную вѣру во всемъ казачествѣ. Недовольные собирались, формировали куты, выбирали себѣ гетмана и производили страшныя нашествія, опустошенія и убійства, среди пановъ, поляковъ, католиковъ и евреевъ. Интересы казаковъ частью слились съ понятіемъ о русской свободѣ и ея народности. Хотя Польское государство оставалось подъ конецъ побѣдителемъ и расправлялось съ гетманами и казаками болѣе, чѣмъ сурово, но возстанія возобновлялись. Напрасно въ 1597 г. гетмана Наливайко сожгли въ мѣдномъ раскаленномъ быкѣ, да и другіе гетманы: Павлюкъ, Острица, Гуня и другіе испытали не лучшей конецъ, казачество не унималось и народило Богдана Хмельницкаго, который и покончилъ это дѣло блестящимъ образомъ.

Получивъ очень основательное воспитаніе въ Ярославлѣ Галицкомъ у іезуитовъ, Богданъ Хмельницкій, въ бояхъ съ турками, отличался познаніями военнаго дѣла и когда обидѣли его поляки, избивъ плетми его десятилѣтняго сына, который отъ этого скончался, Хмельницкій ушелъ въ Запорожье, поклявшись отомстить полякамъ, кровно, за себя и народъ. Попутно онъ побывалъ въ Крыму у хана Исламъ-Гирея и заключилъ съ нимъ союзъ, для совмѣстнаго нападенія на Польшу. Гетманъ Николай Потоцкій, освѣдомленный о какомъ-то движеніи казаковъ, двинулся съ вой-

скомъ въ Украйну, но встрѣченный Хмельницкимъ у Желтыхъ водъ, а потомъ у Корсуни, въ 1648 г. потерпѣлъ полнѣйшее пораженіе съ плѣненіемъ польскихъ гетмановъ. Объявленіе этихъ побѣдъ универсаломъ во всѣхъ казачьихъ станицахъ подняло всю Русскую Украйну. Образовались, помимо казачьихъ полковъ, гайдамацкіе загоны, которые стали сурово расправляться съ поляками, шляхтою, католиками, ксендзами и евреями. Рѣзня приняла ужащающіе размѣры; оборонялся еще кой-какъ Вишневецкій, приговаривая: „мучьте казаковъ, русскихъ, такъ, чтобы они чувствовали, что умираютъ“. Польскій сенатъ образовалъ ополченіе изъ шляхты, но подъ Пилавцами, это войско бѣжало, оставивъ казакамъ 120 т. повозокъ и весь свой лагерь. Хмельницкій пошелъ отсюда въ Галицію, взялъ со Львова выкупъ и вторгнулся въ Польшу, подступивъ къ Замостью. Въ это время вступилъ на престолъ Владиславъ IV, который извѣстилъ Хмельницкаго о своемъ восшествіи на престолъ и потребовалъ вступить въ переговоры. Остановивъ свое наступленіе, Хмельницкій отправился въ Кіевъ, помолиться за одержанныя побѣды, гдѣ его встрѣтили со всѣми народными почестями, а затѣмъ начались переговоры въ Переяславѣ. Казачьи условія состояли въ томъ, чтобы уніи не было на Руси; чтобы Кіевскій митрополитъ занялъ мѣсто въ Варшавскомъ сеймѣ; чтобы гетманъ зависѣлъ только отъ короля, и чтобы евреи были немедленно изгнаны изъ всей Украйны. Условія эти не были приняты сеймомъ, и снова началась война, при чемъ самъ король сталъ во главѣ польскаго войска, но подъ Зборовомъ онъ потерпѣлъ полное пораженіе и вышелъ изъ плѣна только тѣмъ, что подкупилъ хана Гирея принять его сторону. Начавшіеся послѣ сего переговоры не удовлетворили обѣ стороны; но новая война уже не шла въ пользу казаковъ, время было упущено, да и Крымцы были на сторонѣ Польши. Неудачныя для Хмельницкаго сраженія подъ Берестечнымъ, а потомъ подъ Бѣлою Церковью дали поводъ королю установить число казаковъ по всей Украйнѣ, только въ 20 т., что возмутило все казачье сословіе и народъ двинулся толпами въ Свободскую Украйну, нынѣ Харьковскую губернію.

Еще въ 1620 г., гетманъ Сагайдачный просилъ Царя Михайла Ѳеодоровича принять Украйну, казачество, въ свое подданство, но Россія, только что оправлявшаяся тогда, этого сдѣлать, безъ войны съ Польшею, не могла, и потому отвергла предложеніе посольства.

Теперь Хмельницкій въ 1653 г. снова обратился къ Москвѣ, уже при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, пояснивъ, что турецкій султанъ готовъ принять казачество въ свое подданство и что не ми-

новать Украинѣ быть въ бусурманскихъ рукахъ. А такъ какъ Польша не хотѣла признать царскаго титула, и переговоры объ этомъ велись давно неуспѣшно, то посольство Хмельницкаго было принято милостиво Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и въ 1654 г. отправленъ былъ въ Переяславль посолъ Бутурлинъ. На радѣ, собранной въ Переяславѣ, Хмельницкій объявилъ народу и казакамъ, что Малороссіи нуженъ сильный покровитель, и что такого они могутъ имѣть только въ восточномъ, православномъ Царѣ, одной съ ними вѣры. Народъ, рада въ одинъ голосъ, закричалъ: „волимъ подѣ Царя восточнаго“ и тутъ же присягнулъ на вѣрнопопданство, принявъ всѣ условія и получивъ разрѣшеніе имѣть по счету 60 т. вооруженныхъ казаковъ.

А въ Москвѣ тѣмъ временемъ Царь созвалъ земскій соборъ, обсудить это дѣло. Было единогласно принято: подданство казаковъ и объявленіе войны Польшѣ за Царскій титулъ и въ защиту православной Украйны.

Царь самъ повелъ свое войско, разославъ по Литвѣ призывныя грамоты. Смоленскъ, Могилевъ, Витебскъ, Полоцкъ были скоро заняты, и польскіе воеводы клали знамена предѣ Царемъ; далѣе были заняты Вильно, Ковно, и Царь дошелъ счастливо до Гродно, гдѣ торжественно принялъ титулъ Великаго Князя Литовскаго. Но вслѣдъ за этимъ пришла вѣсть, что въ Москвѣ и во всемъ государствѣ свирѣпствуетъ зараза, черная оспа. Царь поспѣшилъ въ Москву и начались переговоры съ Польшею въ Вильнѣ. Хмельницкій въ это время удачно дрался въ Украинѣ и уже успѣлъ перенести войну въ самую Польшу, гдѣ наступалъ съ большимъ успѣхомъ.

Вмѣшательство Швеціи въ русско-польскую распрю, неожиданная волненія въ самой Малороссіи, а главное моръ отъ заразы, внутри Россіи и потому нѣкоторое и тутъ волненіе, вынудили Царя Алексѣя Михайловича искать мира, который и былъ заключенъ въ Андрусовѣ въ 1667 г. Хмельницкій волновался, просилъ продолженія войны, мечталъ объ освобожденіи отъ ляховъ не только Малороссіи, но и всей Украйны, но онъ не былъ услышанъ и вскорѣ скончался. Россія по Андрусовскому миру получила Кіевъ и сегобочную, т. е. лѣвую сторону Днѣпра, но отказалась отъ Литвы. Насталъ новый періодъ: укрѣпленіе Руси и паденіе Польши, послѣ этого въ сущности, перваго раздѣла, отнятіе у нея съ боя русскихъ великокняжескихъ земель отъ Смоленска до Кіева и до устьевъ Днѣпра, т. е. части Могилевской земли, Сѣверскаго Княжества, Малороссіи и матери русскихъ городовъ—Кіева.

До 1704 г. жизнь русскаго народа въ Западно-Русскомъ краѣ,

по правой сторонѣ Днѣпра, оставалась такою же неутѣшною, хлопскою, животною, какою была со времени начала XVI ст.: смерть, по произволу пана! Союзъ Петра В. съ Августомъ II польскимъ вновь познакомилъ, сблизилъ Москву, русскихъ людей, съ литовцами и бѣлоруссами. Петръ, желая поддержать короля Августа, двинулъ свои войска къ З. Двинѣ; овладѣвъ Курляндію, Петръ занялъ Вильну и остановился въ Гроднѣ съ арміею въ 35 т. человекъ. Уѣзжая оттуда въ Москву, Петръ вручилъ Августу почетное командованіе русскими войсками.

Въ 1706 г. Августъ, съ прибытіемъ къ Гроднѣ Карла XII, отретировался съ 4-мя своими полками въ Саксонію. Карлъ XII по недостатку съѣстныхъ припасовъ, всталъ на широкія квартиры, верстахъ въ 70 отъ Гродно. Тогда Петръ приказалъ своей арміи отступить къ Кіеву. Какъ союзникъ Августа, Петръ распоряжался въ этомъ походѣ, какъ бы въ своей странѣ, чему очень способствовалъ языкъ, вѣра, понятныя жителямъ и русскому войску. Уніатство все-таки сохранило по преимуществу православный обликъ и потому не препятствовало дружелюбію населенія къ единойзычному съ нимъ русскому войску. Карлъ не отважился преслѣдовать русское войско, изъ-за обширныхъ болотныхъ пространствъ и оставался въ Гродно до 1708 г., откуда двинулся въ Могилевъ, гдѣ поджидалъ подкрѣпленія изъ Лифляндіи подъ предводительствомъ Левенгаупта. Отъ сильныхъ и безпрестанныхъ передвиженій, армія Карла XII была очень изнурена и ослаблена и, будучи частично разбита княземъ Голицынымъ у села Добраго, при ея передвиженіи на Мстиславль, вынудила Карла XII двинуться къ югу, въ Украйну, въ надеждѣ найти союзника въ гетманѣ Мазепѣ, измѣнившемъ Петру. Карлъ XII надѣялся найти кромѣ того тамъ все необходимое для продолженія войны: продовольствіе въ богатой Малороссіи. Онъ дошелъ до Полтавы. Но за это время Петръ, узнавъ о движеніи Левенгаупта къ переправѣ на р. Сожѣ, остановился у д. Лѣсной, близъ Пропойска, и тутъ разбилъ его на голову, при чемъ ему досталась вся артиллерія и всѣ запасы. Шведы потеряли до 10 т. человекъ убитыми.

Украйна и Малороссія между тѣмъ не очень-то вѣрили и надѣялись на Мазепу и весь-то его отрядъ казаковъ не превышалъ 6 т. человекъ. Поляки и турки также не откликнулись на призывъ Карла XII. Вмѣсто Мазепы, когда стало извѣстно о его измѣнѣ, былъ избранъ въ гетманы Скоропадскій. Карлъ XII осадилъ Полтаву, которая не сдавалась. Къ ней на выручку поспѣшилъ Петръ В. и тутъ 27 іюня 1709 года свершилось кровавое скрещеніе оружія, при чемъ Карлъ XII былъ совершенно разбитъ, и вся его армія со

всѣми трофеями досталась Петру В. Остатки арміи сдались при Переволочнѣ. Карлъ XII съ Мазепою спаслись какимъ-то чудомъ, переправившись чрезъ Днѣпръ въ турецкія владѣнія.

О жизни Западно-Русскаго народа подъ властью Польши, за весь этотъ періодъ приходится мало что сказать, прибавить къ тому, что уже было высказано раньше: улучшеній не было; зависимость отъ пана, католика и еврея продолжалась, и крестьяне жили почти что впроголодь, по всей Бѣлоруссіи. Въ Литвѣ было нѣсколько легче, такъ какъ всѣ литовцы были со временъ Ягайло католики. На югѣ, гдѣ, какъ въ Подоліи, землѣ, текущей млекою и медомъ, было гораздо легче: постоянный обильный урожай возмѣщаль тощій крестьянскій, на себя, трудъ. А Кіевъ съ его настойчивостью къ школьному образованію, а затѣмъ поддержка со стороны братствъ въ приходяхъ, какъ и воспоминаніе о казатчинѣ и нѣкоторое со стороны запорожцевъ воздѣйствіе, умѣряли силу и власть пановъ и ксендзовъ, но и это было въ очень минимальной степени. Холопство, рабство съ притѣсненіями чувствовались вездѣ больно. Россія въ это время хотя и не была слаба, но у нея вплоть до воцаренія Елизаветы Петровны дѣло шло больше о внутреннихъ дѣлахъ и порядкахъ, о войнѣ то съ Турціею, то со Швеціею и вообще не дошло еще время до защиты своихъ. Но, то вѣрно, что Сѣверная война, Петръ Великій имѣли большое вліяніе на все Бѣлорусское населеніе. Одно уже то, что не знали, кого признавать за короля: Августа II, союзника Петра или Лещинскаго, ставленника Карла XII. А шляхта за это время совсѣмъ распустилась и народу безправному жилось тяжелѣе, чѣмъ прежде, и имъ повелѣвали чужіе государи, но которымъ этотъ народъ по страшной бѣдности ничего не давалъ или очень мало; все подвозилось съ обѣихъ сторонъ. Сама Польша начала видимо разлагаться, такъ какъ Карлъ XII, преслѣдуя Августа II до Саксоніи, бралъ съ населенія что могъ, огнемъ и мечомъ. Со смертью Августа II, въ 1733 г., въ польскія дѣла вмѣшалась Франція, и Августу III былъ предпочтенъ въ Варшавѣ Ст. Лещинскій, котораго дочь Марія была замужемъ за Людовикомъ XV. Но съ приближеніемъ къ Варшавѣ русскихъ войскъ, подъ предводительствомъ Ласси, въ защиту Августа III, и изъ - за обѣщаній, данныхъ Россіи, отдать ей Курляндію и Лифляндію, Лещинскій благоразумно и смѣшно удалился въ Данцигъ и Августъ III окончательно утвердился на тронѣ.

Народъ во всѣхъ этихъ дѣлахъ не принималъ никакого участія. Литовско-русскій край зналъ твердо, что всѣ эти поляки, католики, шляхта, его отъявленные враги и угнетатели. А шляхта, раздѣлен-

ная на партіи и чувствовавшая себя прекрасно въ своихъ имѣніяхъ съ неограниченною властью, мало подумывала о государствѣ! Сеймы то и дѣло разъѣзжались, разгонялись, династія смѣнялась, повсюду была полная дезорганизація, а польское войско не существовало, такъ какъ шляхта, обязанная его собирать и кормить, находила это убыточнымъ дѣломъ, труднымъ: въ солдаты вѣдь шли только изъ подъ палки, а не съ убѣжденіемъ, защищать свое отечество. Распадъ былъ полный... Такъ продолжала жить Польша до вступленія на престолъ Императрицы Екатерины II въ 1762 г.

Для возстановленія порядка въ Польшѣ и Варшавѣ, для поддержки на тронѣ Августа III, русскій посолъ Репнинъ призвалъ въ самую Варшаву русскія войска, которыя охраняли въ столицѣ Польши порядокъ и стояли на стражѣ около короля. Такъ тянулось дѣло до смерти Августа III въ 1763 г., когда снова возникъ споръ, кому царствовать? Саксонскую династію поддерживали Австрія съ Франціею, а Екатерина II и Фридрихъ II, стояли за династію Пястовъ и указывали на Станислава Понятовскаго, за котораго стояла сильная польская партія во главѣ съ Чарторыйскимъ. Сеймъ 1764 г., подъ страхомъ присутствія въ Варшавѣ русскихъ войскъ, послѣ бурныхъ преній, избралъ въ короли Ст. Понятовскаго. Какъ только это случилось, русскій посолъ, князь Репнинъ, немедленно поднялъ старый вопросъ, со времени еще Хмельницкаго, о диссидентахъ, т. е. не католикахъ, положеніе которыхъ за все XVIII ст., было болѣе чѣмъ печальное: православныя церкви съ ихъ прихожанами обращались не спросясь въ униатскія, православное духовенство преслѣдовалось, русскіе люди не могли занимать коронныхъ должностей и не допускались на сеймы; ихъ подчиняли католическому церковному суду и они терпѣли всякаго рода униженія и оскорбленія. Такими же несправедливыми мѣрами ополяченія, поляки-католики относились къ лютеранамъ, и Фридрихъ II присоединился къ требованіямъ Екатерины II о дарованіи диссидентамъ равноправія съ католиками. На сеймѣ польскій отказъ едва не дошелъ до кровавой расправы, и князь Репнинъ получилъ указаніе вызвать диссидентовъ къ открытой борьбѣ, для чего составить конфедерацію, которую поддержитъ Россія. Черезъ годъ составились въ Слуцкѣ и Торнѣ двѣ конференціи: русско-православная и польско-лютеранская. За католиковъ заступался папа и шелъ противъ диссидентовъ, епископъ Солтыкъ работалъ день и ночь надъ воззваніями къ католикамъ. Князь Репнинъ арестовалъ Солтыка съ его сообщниками и отослалъ ихъ въ Россію. Эти мѣры заставили сеймъ подписать въ 1768 г. трактатъ, по которому давалась свобода вѣроисповѣданія диссидентамъ, уравнивались политически-гражданскія ихъ права съ

католиками и разрѣшались смѣшанные браки. Диссидентскія конфедераціи были затѣмъ распущены, а русскія войска ушли изъ Варшавы къ границѣ. Какъ только это свершилось, шляхтичи Красинскій и Пухальскій очень скоро составили, съ своей стороны, польско-католическую конфедерацію въ Барѣ на Подолѣ, съ цѣлію дѣйствовать какъ противъ постановленія сейма и трактата, такъ и открыто, противъ диссидентовъ и, свергнувъ Понятовскаго, снова возвести на престолъ Саксонскую династію. Тогда польскій сенатъ обратился къ Екатеринѣ, какъ къ поручительницѣ въ сохраненіи трактата и установленнаго порядка, съ просьбою усмирить не прошенныхъ шляхетскихъ конфедератовъ. Кн. Репнинъ снова вернулъ съ границы русскія войска, въ числѣ 20 т. подъ начальствомъ Кречетникова, противъ которыхъ Барская конфедерація не имѣла силъ бороться и очень скоро Баръ, Краковъ, Люблинъ, Бердичевъ, были очищены, а шайка конфедератовъ спаслась, кто какъ могъ, въ Венгрію и Силезію. Тогда польскіе конфедераты обратились за помощью къ Франціи, которая послала имъ, въ качествѣ организатора, капитана Дюмурье. Но оказалось, по словамъ послѣдняго, что войско конфедератовъ, до 17 т. всякаго сброда, ничего не стоило, было только конное, при томъ оно больше грабило, чѣмъ умѣло дѣйствовать, а шляхта, съ ея предводителями, до того мало знала военное дѣло и такъ увлеклась роскошью, да разгульною жизнью, что о серьезномъ сопротивленіи русскимъ войскамъ не могло быть рѣчи, и Дюмурье, разочарованный, поспѣшилъ возвратиться восвояси, оставивъ въ наслѣдство свои записки о раззореніи Польши.

Но затѣянная Барская конфедерація откликнулась во всей Украинѣ, произведя религіозное волненіе въ народѣ. Взялись за оружіе запорожцы и всѣ казаки. Въ числѣ ихъ очутился казакъ Желѣзнякъ и его помощникъ Гонта и началась по всей Украинѣ, въ особенности съ Подола, рѣзня католиковъ, униатовъ, ксендзовъ и жидовъ, которая въ Умани выразилась страшною катастрофою: Гонта вырѣзалъ всѣхъ жителей и наполнилъ колодцы трупами дѣтей этихъ жителей. Въ Балтѣ были умерщвлены всѣ евреи; но когда казакъ Шило со своими ушелъ изъ Балты, то съ пограничнаго и сосѣдняго турецкаго мѣстечка Галты, турки и евреи напали на православное населеніе Балты и зажгли его. Шило вернулся и разорилъ Галту дотла. Такимъ образомъ въ это дѣло невольно замѣшалась Турція и хотя Кречетниковъ положилъ конецъ этому гайдамацкому своеволію, но Турція, подстрекаемая Франціею, нашла поводъ къ войнѣ. Крымскій ханъ, по приказанію изъ Константинополя, вторгся въ русскія владѣнія и опустошилъ Новую Сербію, а русскій посолъ Обрезковъ былъ посаженъ въ Семибашенный замокъ. Началась,

значить, война съ Турціею изъ-за Барской конфедераціи. Хотя побѣды при Ларгѣ и Кагулѣ подъ начальствомъ Румянцева, а потомъ Чесменскій бой, еще въ 1770 г. доставили большую славу русскому войску и его Государынѣ, но Турція не уступала и, лишившись наконецъ Крыма въ 1771 г., все-таки продолжала войну, не соглашаясь на условія побѣдителя. А Екатерина желала мира, но не могла его добиться. Между тѣмъ національная партія въ Польшѣ, усмотрѣвъ гибель всего королевства, домогалась наследственнаго короля и уничтоженія правъ сейма на *liberum veto*, по которому всякій шляхтичъ могъ сорвать сеймъ своимъ: не дозволимъ. Но для этого нужно было согласіе Россіи, на основаніи трактата 1768 г. о диссидентахъ. Это было невыгодно Россіи. За то Польша съ сеймомъ и королемъ по всѣмъ пунктамъ отказались отъ всякихъ переговоровъ и услугъ со стороны Россіи, и обратились за помощью къ державамъ. Откликнулась Австрія, которая стала на сторону турокъ. Пруссія отклонила всякую помощь. Франція была далека и сама уже клонилась, если не къ упадку, то къ внутреннему безпорядку и неурядицѣ.

Екатерина II, нуждаясь, наконецъ, въ мирѣ, обратилась къ Фридриху II и предложила ему союзъ противъ Австріи, но Фридрихъ повернулъ дѣло по своему разумѣнію, устраняя Турцію и указывая на удовлетвореніе Россіи за счетъ разлагавшейся до основанія Польши. Эта комбинація улыбнулась Екатеринѣ II, и она изъявила свое согласіе, чему не противорѣчила и Австрія.

Такимъ-то образомъ состоялся первый раздѣлъ Польши въ 1773 г. Россія получила Полоцкъ, Витебскъ, Оршу, Могилевъ, Мстиславль, Гомель съ населеніемъ въ 1.600.000. Австрія взяла Галицію съ населеніемъ въ 2.500.000 жителей, Пруссія—Померанію и часть Великой Польши. Такимъ образомъ подъяремная Галиція попала изъ полямъ да въ огонь, изъ польскихъ лапъ въ австрійскія, въ которыхъ пребываетъ и понынѣ.

Послѣ этого поляки задумались о своей судьбѣ и угрожающихъ опасностяхъ. Составилась польская преобразовательная партія, которая въ виду того, что король Понятовскій бездѣтенъ, установила законъ о наследственномъ престолонаслѣдіи въ лицѣ саксонскаго дома съ властью исполнительной и съ отмѣною *liberum veto* и съ установленіемъ сейма только съ большинствомъ голосовъ. Конфедераціи, какъ противузаконныя, воспрещались. Это постановленіе подъ названіемъ конституціи 3 мая 1791 г. существовало не долго, такъ какъ противники ея, русская партія, образовавъ конфедерацію въ Тарговицѣ, обратились къ Екатеринѣ, прося ее возстановить порядокъ, согласно договора 1768 г. На по-

мощь Тарговицкой конфедерации пришла 100 т. русская армия, под начальством Каховского и Кречетникова. Тогда поляки обратились къ Фридриху II и просили защиты, но их ходатайство было отклонено на томъ основаніи, что они приняли новую конституцію, безъ его вѣдома. Польское войско, находившееся въ Литвѣ, отступало безъ боя. Племянникъ короля, Юсифъ Понятовскій, и генералъ Тадеушъ Косцюшко были разбиты, послѣдній на р. З. Бугѣ подъ Дубенкой. Король Станиславъ-Августъ IV, по требованію Екатерины II, долженъ былъ признать Тарговицкую конфедерацию законною; она-то собралась въ Гродно на сеймъ, куда также, по настоянію русскаго уполномоченнаго Сиверса, пріѣхалъ король для открытія чрезвычайнаго сейма. Сиверсъ потребовалъ уступки Россіи: Волынскую, Минскую и Подольскую губерніи, включительно и тылъ — всю Кіевскую губернію, съ 3 м. населенія. Послѣ небольшого колебанія уступка этихъ земель Россіи была принята, а то, что требовала Пруссія, отвергнуто и сочтено за насиліе. Тутъ же король далъ обѣщаніе безъ согласія Россіи ни съ кѣмъ не воевать и договоровъ не заключать и ограничиться арміею въ 15 тыс. человекъ. Одновременно была занята Варшава русскими войсками подъ начальствомъ Игельстрома въ 1793 г.

Но на этомъ польскіе патріоты не могли помириться и войдя въ сношеніе съ Франціею, съ ея комитетомъ общественной безопасности, обѣщавшимъ имъ помощь, начали подготовленіе къ возстанію подъ предводительствомъ, съ властью диктатора, Тадеуша Косцюшко. Началось съ Кракова, откуда русскія войска должны были посѣшно выступить. Тогда возсталъ Варшава, ночью, спящіе русскія войска были атакованы и потеряли до 2 т. человекъ убитыми. Игельстромъ едва спасся. Но при Холмѣ уже генералъ Зайончикъ былъ разбитъ, а Вильна тѣмъ временемъ была занята русскими войсками, по приказанію Румянцова-Задунайскаго. Одновременно сѣвши къ Варшавѣ Суворовъ съ Украинскою арміею, при чемъ на пути онъ разбилъ поляковъ дважды. Одновременно Ферзень подъ Маціевицами, въ 12 миляхъ отъ Варшавы, разбилъ, ранилъ и загналъ Косцюшко съ его кавалеріею въ болото, гдѣ взялъ всѣхъ въ плѣнъ. Косцюшко тогда, бросивъ саблю, воскликнулъ: *Finis Poloniae!* Варшава послѣ этого сдалась Суворову безъ боя, но послѣ взятія приступомъ предмѣстья Праги. Послѣ этого произошелъ 3-й раздѣлъ Польши, при чемъ Россіи досталось вся Литва и Курляндія. Король Понятовскій отказался отъ престола и поселился въ Гроднѣ. Съ тѣхъ поръ весь Западно-Русскій край сдѣлался русскимъ краемъ. Его Екатерина II не завоевала, а, какъ она выражалась, возвратила Россіи, какъ край съ чисто русско-литовскимъ населеніемъ, ото-

рванымъ отъ Россіи за время раздоровъ за удѣлы и татарскимъ погромомъ.

Одновременно пришлось Екатеринѣ II подумать о своевольствѣ казаковъ на Украинѣ, о гайдаматчинѣ, о Запорожцахъ, которые не переставали грабить, своевольствовать въ Турціи, на Украинѣ и въ степяхъ, заселяемыхъ русскимъ народомъ. Граница наша изъ-за нихъ была въ постоянномъ волненіи. Для достиженія покоя князь Потемкинъ счелъ нужнымъ уничтожить прежде всего гнѣздо своевольства—Запорожскую сѣчь. Это началось съ 1775 г. и закончилось въ 1783 году. Запорожцы должны были уйти съ ихъ насиженныхъ мѣстъ, въ Хортицѣ, а съ ними и не мало казаковъ въ другихъ губерніяхъ. Часть ихъ спаслась или удалилась къ султану; это были все теперешніе Некрасовцы, которые нынѣ возвращаются въ Россію. Другіе поселились въ Новой Россіи на общихъ правахъ; изъ наибольшей части составилось новое казачество, поселенное около Азовскаго и Чернаго морей и на острову Фанагорія, подъ названіемъ Черноморскихъ казаковъ, нынѣшняя Кубанская область, сослужившая Россіи, на Кавказѣ, хорошую службу. Возстанія и грабежъ въ Малороссіи и Украинѣ со своевольствомъ улеглись этою мѣрою, и поляковъ послѣ этого уже мало тревожили, они зажили опять своею жизнью, подъ покровительствомъ русской короны. Отмѣтимъ тутъ, что несмотря на разгромъ и выселеніе Запорожцевъ, казаковъ, предковъ современниковъ Хмельницкаго и Полтавскаго погрома, многія казачьи семейства остались жить, изъ-за своего имущества, на своихъ мѣстахъ. Всѣхъ ихъ зачислили въ крестьянское сословіе, хотя бы и вольное. Эти-то казаки-крестьяне Украины, Малороссіи и даже Свободской Украины Харьковской губ. живутъ на своихъ мѣстахъ понынѣ, въ мѣстечкахъ и околицахъ. Отличаясь отъ крестьянства большею зажиточностью, они носятъ свою своеобразную казачью одежду, брѣются, крѣпко православные, съ русскимъ духомъ, предприимчивы и, занимаясь земледѣліемъ да торговлею, сильно напоминаютъ собою время гайдаматчины. Это, видно, не крестьянинъ, — это казакъ, и въ случаѣ какихъ-либо затрудненій съ Австріею, съ католиками, они легко могутъ въ совокупности выставить, если понадобится, 100 т. иррегулярную конницу, грозную по своему національному духу.

Въ настоящее время, хозяевами острова Хортицы, этого бывшего запорожскаго гнѣзда,—нѣмцы-колонисты, которые тамъ устроились, окруженные Днѣпромъ, какъ бы въ средневѣковомъ нѣмецкомъ рыцарскомъ княжествѣ! Тамъ не извѣстенъ русскій языкъ, тамъ все нѣмецкое, а русскія власти тамъ отсутствуютъ. Также Хортица съ тѣхъ поръ, съ 40-хъ годовъ XIX столѣтія, вѣроятно не видѣла у

себя губернатора, да и исправникъ или становой туда заѣзжаютъ очень рѣдко. Да это и не нужно, вѣдь тамъ все тихо, по-нѣмецки, тамъ не слышно русскаго говора, тамъ только свое самоуправленіе, свое пиво и брага, своя религія и все, что угодно, но только не русское.

А за тѣмъ оказалось, что несмотря на насильственно введенную унию, въ Бѣлоруссіи на столько еще крѣпко сохранялся народный духъ, вѣра, что безъ всякаго насилія, тотчасъ послѣ второго раздѣла Польши, 1.500.000 душъ присоединились къ православію. Это послужило лучшимъ доказательствомъ, до чего этотъ угнетенный народъ, благодаря только своему духовенству, крѣпокъ, какъ русскій, православный человѣкъ. Вѣдь онъ пережилъ гнетъ и насиліе многихъ столѣтій и остался вѣренъ тому, что было положено въ основу, какъ гранитная скала съ 988 г., Владиміромъ Святымъ. Это начало русской національной черты шло за все XIX ст. зигзагами то впередъ, укрѣпляясь, то слабѣя, до полного упадка. Что это было такъ, но не иначе, виновато на столько же теченіе русской исторіи, рокъ, какъ и русская власть, не сознававшая, гдѣ ея сила, покоящаяся, какъ и нынѣ, на массѣ. Нужны были новыя испытанія, очень большія, чтобы эта черта, національная, дошла до своихъ устоевъ, и то еще вопросъ, устоитъ ли новое теченіе, не упустятъ ли его въ противоположную, пагубную для государства сторону?

Къ несчастію, добрый поворотъ вещей длился не долго. При Императорѣ Павлѣ I, сліяніе Западно-Русскаго края съ Имперіею было отодвинуто, введеніемъ Литовскаго статута, польскаго трибунала, т. е. высшее судебное мѣсто, и насажены городскіе суды. Учрежденіе о губерніяхъ 1775 г. было отмѣнено и громаднѣйшій край началъ управляться единовластно изъ Вильны, и въ сущности опять каждый шляхтичъ, польскій помѣщикъ имѣлъ полную волю, до смерти включительно, надъ русскимъ народомъ, православнымъ, а тѣмъ болѣе надъ униатами, съ которыми совсѣмъ не церемонились, это вѣдь были свои и имъ, съ ихъ духовенствомъ, некуда было жаловаться, развѣ папѣ, который разумѣется дѣлалъ съ своей стороны все возможное, для улучшенія своей свѣтской власти и распространенія своего вліянія надъ Россіею съ ея народомъ. И онъ чрезъ поляковъ достигалъ своей цѣли, какъ нельзя лучше, тѣсно связавъ религію, католичество, съ политикою покоренія всѣхъ православныхъ, вѣрнѣе, говорящихъ по-русски.

Павелъ I, вступившій на престолъ въ 1796 г. и дѣлавшій все будто наперекоръ своей матери Императрицѣ, своимъ правленіемъ въ корнѣ вредилъ себѣ и всей Россіи. Все измѣнилось въ короткій

срокъ его правленія, вызвавъ неудовольствія въ странѣ, и это закончилось трагически, въ 1801 г. Вступилъ на престолъ 26 лѣтній Александръ, ученикъ Лагарпа, желавшій хорошихъ преобразованій.

Не имѣя возможности разомъ разобраться со столькими вопросами, которые горою стояли предъ нимъ, при вступленіи на престолъ, онъ обратился къ своимъ ближайшимъ друзьямъ молодыхъ лѣтъ, князю Адаму Чарторыйскому, Кочубею и Строганову. Последніе двое послужили Россіи, какъ могли, и оказались не безпольными, за то А. Чарторыйскій былъ злымъ духомъ Императора и ненавистной ему Россіи. Этотъ родъ князей владѣлъ на Волыни около Дубно большими землями. Кн. Адаму Чарторыйскому дали обширное образованіе за границею, откуда вернувшись, онъ принялъ участіе, съ своимъ братомъ, въ конфедераціяхъ противъ Россіи въ 1792 г., предъ вторымъ раздѣломъ Польши, что закончилось для Чарторыйскихъ ихъ выѣздомъ за границу. Ихъ владѣнія были конфискованы. Императрица Екатерина II обѣщала возвратить Чарторыйскимъ ихъ имѣнія, если они пріѣдутъ въ Петербургъ, какъ заложники. Въ 1795 г. оба брата явились въ Петербургъ, и тутъ завязалась тѣснѣйшая дружба между княземъ Ад. Чарторыйскимъ и великимъ княземъ Александромъ. Его отцу Павлу это не понравилось, и онъ Чарторыйскаго въ 1796 г. выслалъ за границу посланникомъ, въ Сардинію. Но чрезъ 5 лѣтъ Императоръ Александръ его вызвалъ обратно и сдѣлалъ его своимъ ближайшимъ совѣтникомъ, въ негласномъ комитетѣ по преобразованіямъ. Чарторыйскій, какъ тонкій полякъ, политикъ, какъ нельзя лучше воспользовался довѣріемъ Государя, но все на пользу своей Польши, своего католицизма и своего собственнаго благополучія, при огромной власти, какая ему была вручена. Очень скоро онъ былъ назначенъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа и помощникомъ Государственной Канцеляріи Воронцова. Когда Воронцовъ заболѣлъ, онъ занялъ его мѣсто, и объявленіе войны Наполеону, въ союзѣ съ Австріею и Англіею въ 1805 г., было его рукъ дѣло. Послѣ этого 10 лѣтъ сряду длились эти войны, чуть не погубивъ Россію въ 1812 г.; поэтому понятно, что положеніе населенія вновь пріобрѣтеннаго Западно-Русскаго края не могло быть улучшено. Напротивъ того, въ 1812 г. году весь Сѣверо-Западный край былъ страшно разоренъ нашествіемъ 600 т. наполеоновской арміи, и поляки, увѣрявшіе Императора Александра въ Вильнѣ, сегодня, въ своихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ, на другой день, по вступленіи въ Вильно Наполеона, были его преданнѣйшими слугами, вѣдь съ Наполеономъ вторгнулся въ Россію польскій корпусъ подъ командою Понятовскаго. Какое торжество для поляковъ... Между

тѣмъ у Чарторыйскаго уже давно зародилась мысль воспользо-ваться расположеніемъ Александра I, для образованія Польско-Литовскаго государства, въ унію съ Россіей. Однако этому помѣшали обстоятельства и русскіе люди, и А. Чарторыйскій выѣхалъ изъ Петербурга въ 1810 г. навсегда, поселившись въ Вильнѣ. Тамъ онъ основалъ Виленскій университетъ, тамъ историкъ Лелевель читалъ страстно исторію Польши и готовилъ молодежь къ послѣдующимъ бунтамъ. Изъ Вильны то и дѣло сыпались всякія распоряженія князя, на пользу Польши, поляковъ и католиковъ и во вредъ всему русскому, которое онъ не выносилъ. Польскія школы выростали, какъ грибы, а униатско-русскія и православныя, какія еще успѣли сохраниться, терпѣли открытыя напасти и прекращали свою дѣятельность. Православное духовенство и русскій языкъ были въ загонѣ. Вообще все направленіе А. Чарторыйскаго было открыто антирусское, даже революціонное; о немъ довели до свѣдѣнія Государя, который послалъ въ Вильну Новосильцева на слѣдствіе. Оно раскрыло всю махинацію князя, и онъ, надѣлавъ много зла Россіи, долженъ былъ въ 1823 г. сложить съ себя званіе попечителя и удалиться къ себѣ въ Пулавы, а потомъ въ 1830 г. въ Парижъ, куда онъ эмигрировалъ, принявъ открытое участіе въ возстаніи Польши, какъ президентъ сената и польскаго національнаго правительства.

Разочарованный, къ концу своей жизни, Александръ I потерялъ вѣру въ людей, давно сознавъ свою ошибку по отношенію къ Чарторыйскому, но исправить содѣянное зло пришлось его преемнику Николаю I, вступившему на престолъ въ 1825 г. Бунтъ у себя въ столицѣ, по поводу престолонаслѣдія, откликнувшійся до Кіевской губ., а затѣмъ войны съ Персіей и Турціей не дали Императору времени заняться тотчасъ же дѣлами Польши и Западнаго края. Тѣмъ временемъ, благодаря историку Лелевелю, въ Варшавѣ исподволь подготовлялся бунтъ, въ присутствіи брата Государя, Великаго Князя Константина Павловича. Въ 1830 г. бунтъ разразился окончательно, и русскія войска должны были скорехонько выступить за границу Польши, а возстаніе дошло до Литвы, уже хорошо подготовленной долгимъ тамъ пребываніемъ князя А. Чарторыйскаго. Отдѣльный польскій корпусъ Гельгуда дошелъ до Вильны, но здѣсь былъ разбитъ и прогнанъ за прусскія границы. Въ Подоліи генералъ Дверницкій, думавшій поднять крестьянъ, былъ отброшенъ со своимъ войскомъ, Редигеромъ, въ Галицію. Побѣды гвардейскаго корпуса у Остроленки и взятіе Варшавы Паскевичемъ положили конецъ бунту. Глава партіи умѣренныхъ, А. Чарторыйскій, бѣжалъ за границу, переодѣвшись конюхомъ. Польша

получила устройство сходное со всеми русскими губерніями: Виленскій университетъ былъ закрытъ, и началась чистка Западно-Русскаго края отъ того яда, который былъ напущенъ Чарторыйскимъ на все, безъ различія, населеніе. Русское управленіе съ довѣренными людьми очень скоро извлекли оттуда все то, что вредно вліяло на русскій элементъ, и не мало ксендзовъ, поляковъ и бунтовщиковъ изъ шляхты должны были бѣжать за границу или жить долго, какъ поселенные, въ городахъ Россіи и Сибири. Русскій народъ и православіе, а отчасти и униаты вздохнули свободнѣе, увидавъ, что у нихъ есть защита въ лицѣ самого Государя. Было обращено вниманіе на непосильную барщину, на произволъ помѣщиковъ, на сервитуты, на совращеніе въ католичество и на отстройку костеловъ. Власть помѣщиковъ, ихъ вліяніе на крестьянство было приуменьшено до возможности, хотя рабство, крѣпостничество, не уничтожено. Между прочимъ не дозволено было продавать крестьянъ въ одиночку, безъ семьи и разрѣшено было имъ имѣть свою покупную землю и другія льготы, такъ примѣрно ограничено такое право помѣщиковъ, какъ по издѣльной крестьянской работѣ и т. д.

Вмѣсто Виленскаго университета, скомпрометтированнаго при Чарторыйскомъ и закрытаго, основанъ былъ университетъ Кіевскій, Св. Владиміра. По части экономическаго подъема, что очень важно было для послѣдующихъ поколѣній, въ смыслѣ заработковъ, было введено въ Юго-Западномъ краѣ сахаровареніе, — что отозвалось благотворно на здоровьи населенія вообще и на его матеріальномъ благосостояніи. Тогда же появились въ краѣ русскіе помѣщики, маіораты, но пока еще въ ограниченномъ числѣ. Но такъ какъ въ то время православіе было однимъ изъ виднѣйшихъ признаковъ русскаго человѣка и всего народа, то Императоръ Николай I не могъ не обратить вниманія на униатовъ, которые то и дѣло, со времени Екатерины, возвращались къ православію. Уничтоженію, навязанной русскому, униіи въ 1596 г. въ Брестѣ препятствовало завѣдываніе ею римско-католическою коллегіею. Николай I, изъясвъ униатовъ изъ вѣдѣнія этой враждебной коллегіи, учредилъ греко-униатскую коллегію и подчинилъ ее оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода. По инициативѣ графа Протасова и старѣйшаго изъ униатскихъ іереевъ Іосифа Симашко, униатское духовенство съѣхалось въ 1839 г. въ Полоцкѣ и тамъ соборно постановило просить Государя разрѣшить униатамъ присоединиться къ прародительской православной Всероссійской церкви. Государь на прошеніи написалъ: „Благодарю Бога и принимаю“. Главный двигатель этого народнаго дѣла, Іосифъ Симашко, былъ возведенъ въ митрополиты литовскіе, и

какъ таковой, онъ завершилъ воссоединеніе съ необыкновеннымъ спокойствіемъ и успѣхомъ, въ короткое время. Въ Россіи остались только униаты, русскіе люди, въ Холмской епархіи, но и они воссоединились въ 1874 г. Теперь ихъ можно еще встрѣтить въ довольно большомъ числѣ, за чертою русскихъ владѣній, въ Галиціи, гдѣ ихъ участь, какъ русскихъ людей, не лучше, чѣмъ когда-то было во всемъ Западно-Русскомъ, захваченномъ Польшею, краѣ.

Несчастная Крымская кампанія, которая въ 1855 г. стояла жизни Императору Николаю I, указала его наслѣднику Императору Александру II, что Россія со старымъ порядкомъ жизни и управленія должна разстаться и искать своего спасенія въ нововведеніяхъ, для поднятія государства на прежнюю высоту, съ которой оно было низвергнуто постыднымъ Парижскимъ миромъ! Императоръ Александръ II, всесторонне образованный и хорошо знавшій свое великое достояніе, былъ вполне готовый царственный дѣятель, для проведенія его многообразныхъ реформъ. Онъ началъ съ освобожденія отъ крѣпостной зависимости, отъ уничтоженія всякаго рабства, которое въ Западно-Русскомъ краѣ имѣло особое значеніе: освобожденіе отъ ига, врага, если не татарскаго, то не худшаго, чѣмъ отъ польско-католическаго. 19 февраля 1861 г. вопросъ этотъ былъ благополучно разрѣшенъ общимъ положеніемъ о крестьянахъ, которымъ въ обезпеченіе ихъ быта было постановлено надѣлать ихъ усадьбою и полевыми угодьями. Мировые посредники изъ русскихъ, со сѣздами и присутствіями, устроили это дѣло какъ нельзя лучше и по минованіи надобности въ нихъ, передали освобожденныхъ крестьянъ на судъ русскимъ мировымъ судьямъ. Въ настоящее время, чрезъ 50 лѣтъ, когда все это закончено, ссуда уплачена и крестьяне дѣйствительно свободны тѣломъ и духомъ, удивляешься, какъ такое великое дѣло могло совершиться такъ тихо и спокойно, среди вѣчно-бунтующей шляхты! А она между тѣмъ самымъ серьезнымъ образомъ готовилась къ новому возстанію, по мнлости неумѣлаго управленія Польшею, послѣ намѣстника князя Паскевича и безмысленно добродушнаго отношенія властей, которые вѣрили въ поляковъ и ради того, что скажетъ Европа, даже заискивали, пресмыкались предъ этимъ народомъ. Освобожденіе Италіи и вмѣшательство Наполеона III въ наши польскія дѣла совсѣмъ вскружили голову панамъ и перенесли бунтъ во всѣ польскія помѣстья Западно-Русскаго края, который также закипѣлъ. Банды повстанцевъ подъ общимъ предводительствомъ Лангевича разсыпались по всей Польшѣ и всему Западно-Русскому краю. Въ этомъ году возстанія приняли участіе не только все дворянство, шляхта, но ксендзы, женщины и даже дѣти! Въ январѣ 1863 г., одна

изъ главныхъ бандъ, подъ предводительствомъ Лангевича, имѣла намѣреніе вторгнуться около Дрогичина Гродненской губерніи и перенести свое оружіе чрезъ границу, въ Россію, но находившіяся тутъ русскія войска уничтожили эту банду, и Лангевичъ скорохонько удалился въ Австрію, гдѣ онъ попалъ въ тюрьму. За то русскіе офицеры, католики, каковы были гр. Гауке, Сѣраковскій, Жвирждовскій и другіе, осрамили себя на вѣки и заплатились плѣномъ и жизнью, за исключеніемъ гр. Гауке, который ускользнулъ за границу. Вѣшаніе православныхъ священниковъ и разныя другія подобнаго рода преступленія заставили правительство назначить въ Вильно, Кіевъ и Варшаву: М. Н. Муравьева, Н. Н. Анненкова и графа Берга съ особыми неограниченными полномочіями, для скорѣйшаго усмиренія этого новаго бунта. Графу Муравьеву пришлось между прочимъ разстрѣлять графа Платера за то, что тотъ, съ своею бандою, напалъ на военный транспортъ, около г. Рѣчицы Витебской губ. Такъ какъ конвой этого транспорта былъ не великъ, то его легко обезоружили и перекололи, но на выручку ему пришли близъ жившіе старообрядцы, которые въ свою очередь не дали спуску бандѣ, плѣнивъ ее и представивъ въ распоряженіе гр. Муравьева. Весь этотъ бунтъ не обошелся безъ многихъ жертвъ со стороны поляковъ; ихъ вѣшали, разстрѣливали, высылали въ Россію и въ Сибирь.

(Окончаніе слѣдуетъ).

